

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ «СКРЫТОГО» ПОДОЗРЕВАЕМОГО

А.В. Метёлкин

Анализ положений Уголовно-процессуального кодекса РФ говорит о том, что законодатель достаточно подробно закрепляет правовой статус такого участника уголовного судопроизводства как подозреваемого. Содержание ст. 46 показывает, что подозреваемый обладает широким объемом прав. Однако в основе определения «подозреваемый» в российском уголовном процессе лежат исключительно формальные критерии. При этом в действующем законодательстве отсутствует материальный критерий, с которым связано появление в процессе фигуры подозреваемого, и это порождает ряд практических проблем.

Очень часто возникают ситуации, когда лицо допрашивается в качестве свидетеля, при этом допрос направлен исключительно на получение уличающих сведений в отношении данного лица. Подобную категорию свидетелей мы определяем как «скрытый» подозреваемый. Указанная ситуация связана с нарушением прав подобного «скрытого» подозреваемого, поскольку он, в отличие от формального подозреваемого, находится под присягой уголовной ответственности за отказ от дачи показаний либо за дачу заведомо ложных показаний, он, как правило, лишен возможности пользоваться помощью защитника, поскольку ему, например, не полагается предоставление так называемого защитника по назначению.

Существование поднятой проблемы подтверждается проведенным опросом адвокатов, в котором многие признались, что сталкивались с подобной проблемой в своей практике. Кроме того, распространенность проблемы «скрытого» подозреваемого отмечается и в литературе. Так, Б.Б. Булатов в своей диссертации пишет, что «почти в трети уголовных дел экономической направленности будущие подсудимые давали показания в качестве свидетелей»¹.

В целях решения поднятой выше проблемы нами предпринята попытка определения материальных критериев такого правового

¹ Булатов Б.Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2010. С. 158.

института, как подозрение, а также проанализирован зарубежный опыт на примере Германии.

Если обратиться к Толковому словарю Ожегова, то можно заметить, что подозрение понимается как «предположение, основанное на сомнении в правильности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов»¹. Толково-словообразовательный словарь русского языка говорит о том, что подозрение есть «предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, о нечестности чьих-либо намерений»². Как видим, словари русского языка связывают подозрение с предположением. Подозревать – это значит предполагать что-либо.

Из анализа положений УПК РФ несложно заметить, что фигура подозреваемого сменяется фигурой обвиняемого в ходе достижения определенного момента в рамках расследования конкретного уголовного дела, а именно, как следует из положений ч. 1 ст. 171 УПК РФ, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления. Таким образом, можно прийти к выводу, что подозрение и обвинение являются своеобразными этапами уголовного процесса. Фактически об этом говорит и проф. А.В. Смирнов, указывая, что подозрение связано лишь с предположением о виновности лица в совершении преступления, а обвинение основано на достаточных доказательствах виновности³.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что понятия «подозрение» и «обвинение» являются во многом схожими. Об этом, в частности, писал И.А. Пантелеев, указывая, что «подозрение и обвинение как составные части привлечения к уголовной ответственности обладают рядом общих свойств, объединяющих их в единое целое. Это, во-первых, выдвижение против лица органом уголовного преследования тезиса о причастности к преступлению в виде формулы подозрения или обвинения; во-вторых, приобретение привлеченным к уголовной ответственности лицом специального правового статуса – подозреваемого или обвиняемого с во многом схожими правами и обязанностями; в-третьих, обращение против подозреваемого и обвиняемого большей частью одинаковых и специфических мер уго-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 539.

² Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. С. 161.

³ Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 133.

ловно-процессуального принуждения; в-четвертых, приобретение подозреваемым, так же как и обвиняемым, права на защиту, которое дано законом только лицу, против которого обращено уголовное преследование»¹.

Говоря о подозрении, следует также отметить, что подозрение связано с тезисом. Это, в частности, следует из права подозреваемого знать, в чем он подозревается, закрепленного в п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Подозрение в материально-правовом смысле отличается от обвинения только степенью вероятности и обоснованности тезиса подозрения.

Говоря об опыте немецкой доктрины, необходимо заметить, что в Германии не рассматриваются подозрение и обвинение как различные сменяющие друг друга этапы уголовного процесса. Появление в процессе фигуры обвиняемого связано с наличием против определенного лица так называемого начального подозрения (*Anfangsverdacht*).

В Германии не существует формального акта, аналогичного постановлению о привлечении лица в качестве обвиняемого в России. В литературе отмечается, что практика рассматривает допрос обвиняемого, а именно первый допрос обвиняемого в соответствии с § 136 УПК Германии, в качестве прототипа акта привлечения лица как обвиняемого². В практике возможны ситуации, когда лицо допрашивают как свидетеля, при этом против этого лица имеются данные, достаточные для начального подозрения.

В подтверждение сказанного приведу пример из немецкой судебной практики³. Так Т., находясь в доме, совершил убийство своей жены и дочери. Тела он спрятал в расположенном в 30 км лесном массиве. Только по прошествии 3 лет оба тела были найдены в скелетированном состоянии. Т. был осужден окружным судом к пожизненному лишению свободы. На указанный приговор Т. подал кассационную жалобу, в которой указал, что при первых двух допросах в полиции ему не были разъяснены права обвиняемого.

¹ *Пантелеев И.А.* Проблема совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 14.

² *Finke Martin.* Zum Begriff des Beschuldigung und den Verdachtstypen // *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft.* 1983. № 95. S. 948.

³См.: BGH, Urteil vom 3. 7. 2007 – 1 StR 3/07 (LG Waldshut-Tiengen) // *Neue Juristische Wochenschrift.* 2007. № 37. S. 2706.

Верховный суд ФРГ отменил приговор и отправил дело на новое рассмотрение. В основе этого лежало обстоятельство того, что суд первой инстанции при постановлении приговора оценивал свидетельские показания Т., данные полицейским на первых двух допросах, при этом были нарушены права Т., ему не были разъяснены обвинения и права обвиняемого.

Т., который вскоре после совершения преступления подал в полицию заявление о безвестном отсутствии жены и дочери, следующие полгода был допрошен полицией как свидетель еще до того, как было начато дознание в связи с подозрением о преступлении. Органы уголовного преследования не допрашивали Т. как обвиняемого, поскольку в соответствии с их оценкой не было фактических данных, которые лежали бы в основании конкретного подозрения в преступлении против жизни, на основе которого можно было бы прийти к выводу о наличии обязанности разъяснения обвинения и прав обвиняемого. Тем не менее обязанность по разъяснению обвинения возникла, поскольку органы расследования при первых двух допросах и последующими действиями демонстрировали поведение, из которого для Т. следовало, что с ним обращаются как с обвиняемым. Подобное намерение уголовного преследования следовало из цели, формы допроса и других сопутствующих факторов, таких, например, как проведение поисков тел пропавших на принадлежащем Т. земельном участке. Допрос, очевидно, служил для того, чтобы посредством криминалистической тактики получить доказательства причастности Т. к совершению преступления, в виновности которого органы расследования показывали убежденность, чтобы способствовать или облегчить при необходимости в последующем возможное получение уличающих доказательств. Поведение органов предварительного расследования и вопросы были направлены на слабые места данных ранее показаний и в конечном счете в настойчивой форме воздействовали на добровольное признание вины. Примерно вопросы звучали так: «Тебя совесть не мучает?»

Помимо допроса, как прототипа акта привлечения лица в качестве обвиняемого, в Германии является общепризнанной точка зрения, что обоснование признаков обвиняемого лица возможно также выразить конклюдентно. В соответствии с этим подозреваемый конклюдентно объявляется обвиняемым независимо от воли органа, осуществляющего уголовное преследование, если в отношении его выносится постановление или представлено ходатайство о произ-

водстве мероприятия, которое допустимо только в отношении обвиняемого лица, например, постановление о заключении под стражу (§ 112 УПК Германии), кратковременное задержание (§ 127 ПУПК Германии), обследования и производство процедур, необходимых для опознания личности согласно § 81a, 81b УПК Германии¹.

Возвращаясь к институту подозрения в российском уголовном процессе, необходимо отметить, что Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 закрепила приоритет принципов и норм международного права и международных договоров. В связи с этим Конституционный Суд РФ в п. 3 постановления от 27.06.2000 № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова указал, что «под обвинением в смысле статьи 6 Конвенции Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 года по делу *Deweer*, Series A, no. 35, para 44, 46; решение от 15 июля 1982 года по делу *Eckle*, Series A, no. 51, para 73; решение от 10 декабря 1982 года по делу *Foti*, Series A, no. 56, para 52), т.е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения». Следует отметить, что позиция Европейского суда и Конституционного Суда относительно содержательного понимания обвинения позволила ряду авторов выделить узкое понимание обвиняемого, т.е. обвиняемого в технико-юридическом смысле. В указанном смысле понимается обвиняемый, как он определяется в ст. 47 УПК РФ. И обвиняемого в широком смысле, который охватывает как обвиняемого в узком смысле, так и фигуру подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ². Кроме того, на наш взгляд, широкий подход должен также охватывать фигуру так называемого «скрытого» подозреваемого, иное бы означало нарушение права лица на справедливое судебное разбирательство, поскольку, как указано выше, данное право связано именно с содержательным (т.е. мате-

¹ *Большке Вернер*. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учеб. 6-е изд., с доп. и изм.; пер. с нем. Я.М. Плоскиной; под ред. Л.В. Майоровой. Красноярск: РУМЦЮО, 2004. С. 79.

² См., например: Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 134.

риальным) положением лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование.

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В СТОРОНУ, УХУДШАЮЩУЮ ПОЛОЖЕНИЕ ПОДСУДИМОГО

А.А. Михайлов

Принятие КС РФ постановления от 02.07.2013 № 16-П стало поводом для широкой дискуссии относительно восстановления в отечественном уголовном процессе института возвращения уголовного дела прокурору для дополнительного расследования¹. Однако это не просто полемика вокруг одного из институтов уголовного процесса и обсуждение необходимости его восстановления или его недостатков, а спор относительно содержания деятельности суда и сторон в суде первой инстанции, а также об отношении приговора к обвинению. Об этом свидетельствуют серьезность, накал и зачастую бескомпромиссность ведущейся дискуссии.

При этом Э.Я. Немировский еще в начале XX в. писал, что вопрос об отношении приговора к обвинению или о пределах изменения предмета последнего, «тесно связанный с сущностью обвинительного процесса, с определением роли сторон и суда в последнем, а также оказывающий решительное влияние на объем *res judicata*, законной силы приговора, признается в науке и практике одним из самых спорных и трудных»². По прошествии более ста лет ситуация по существу не изменилась, и вопросы, связанные с изменением обвинения в суде в сторону, ухудшающую положение подсудимого, в уголовном процессе России нуждаются в доктринальном и законодательном решении.

УПК РФ, принятый в 2001 г., установив в ст. 252 жесткие пределы судебного разбирательства и не предусмотрев процессуальных механизмов, призванных решать проблему необходимости измене-

¹ Целая серия статей по данной теме вышла во второй половине 2013 г., в частности, в журналах «Уголовное право» (№ 4, 6) и «Уголовный процесс» (№ 11), а также размещена на сайте Международной Ассоциации Содействия Правосудию (<http://www.iaaj.net>).

² *Немировский Э.Я.* Отношение приговора к обвинению. Одесса, 1907. С. 3.